

7. Kobasa S. C., Maddi S. R., Zola M. A. Type A and Hardiness // Journal of Behavioral Medicine. Vol. 6. No. 1. 1983.

8. Masten A. S., Best K. M., & Garmezy N. Resilience and development: contributions from the study of children who overcome adversity. Development and Psychopathology. 1990. № 2. P. 425–444.

9. Handbook of Resilience in Children / Ed. by Goldstein S., Brooks R. B. New York, 2005.

A. H. Алёхин

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Рассматриваются методологические аспекты современного состояния психологических наук. Показано, что множество научных дисциплин в своем содержании оперирует одним феноменом, который по-разному означает, благодаря чему создано множество предметных полей. Результатом исторического развития наук о психике стало создание автономных терминологических сетей, что сильно затрудняет их интеграцию и систематизацию научного знания. Выход из создавшегося методологического кризиса представляется в разработке базисных концептов, инвариантно описывающих поведение человека на разных уровнях его организации: биологическом, психофизиологическом, психологическом, социально-психологическом. Опыт подобной методологической работы зафиксирован в трудах классиков отечественной психологии.

Ключевые слова: психика, науки о психике, предмет психологии, феномен, методологический кризис, означивание, концепт, системная теория поведения.

A. Alekhin

Psychological Phenomenon as a Methodological Problem

The article deals with methodological aspects of the current state of psychological sciences. It is argued that the content of scientific disciplines concerns one phenomenon, which differently signified. This results in a set of subject fields of psychological knowledge and of autonomous terminological networks as a result of historical development of sciences about the psyche, complicating their integration and systematization of scientific knowledge. The way out from the current methodological crisis is seen in the development of the basic concepts describing the behavior of the person at different levels of organization: biological, psychophysiological, psychological, and social. Experience of similar methodological reflection is recorded in scientific works of classical Russian psychology.

Keywords: human psyche, the science of the psyche, the subject of psychology, phenomenon, methodological crisis, definition, the concept of system behavior.

Парадоксально складывается история научного изучения психики и нарушения её функций. Сформировалось множество научных дисциплин: общая психология, психофизиология, нейропсихология, патопсихология, психопатология, в названии которых так или иначе зафиксирован предмет — психика человека. Предмет будто бы един, а научных дисциплин — множество. И эти

дисциплины практикуют собственные методы исследования, выработали уже собственный терминологический аппарат, теоретические конструкции, так что и взаимопонимание между специалистами, работающими на этом общем поле, стало уже практически невозможным.

Дискуссии о предмете психологии являются характерной приметой всей истории ее

становления и современного состояния. Столь разительная и продолжительная несогласованность в понимании того, что составляет предмет и содержание психологической науки, заставляет порой сомневаться в ее шансах на самоопределение. Фактически вся история психологии — это история формирования и относительно мирного сосуществования множества внутренне замкнутых учений, вырабатывающих собственные предметы исследования и подходы к изучению психического, собственные языки [3].

В данном контексте особенно примечательны отношения психопатологии и патопсихологии в отечественной традиции. Психопатология, будучи медицинской дисциплиной, исторически базируется на клиническом методе и сосредоточена на фиксации знаков (симптомов) заболевания, его феноменологии. В рамках общей психопатологии разрабатывались сложные систематизации разнообразных проявлений психического расстройства. Исторически это обусловлено медицинским генезисом психопатологии, а медицина всегда определяла свой метод «от явления к сущности», от симптома к синдрому, от синдрома к патогенезу и патокинезу. Науки, обслуживающие медицинскую практику (биохимия, физиология, анатомия, гистология и т. п.), лишь углубляли исходные представления, моделируя механизм развития патологического процесса на разных уровнях его системной организации. Суть психопатологической диагностики, как и медицинской диагностики вообще, сводится к соотносению совокупностей наблюдаемых феноменов с известными болезнями, которые приобрели статус нозологических форм (заболеваний) и определяются соответствующими классификациями. Картина поведения, наблюдаемая у конкретного пациента, соотносится с картиной, описанной в соответствующем руководстве, например, в МКБ-10. При этом конкретные наблюдаемые психические явления неизбежно редуцируются и переозначиваются,

сама сущность и механизмы нарушения психической деятельности остаются вне поля зрения (хотя теоретическими концептами о патогенезе конкретного расстройства, как правило, начинается глава любого соответствующего руководства; другое дело, что эти концепты мало что добавляют к пониманию механизмов расстройства).

Казалось, что внедрение методов психологического эксперимента в клинику душевных заболеваний сможет пролить свет на психологические — патопсихологические механизмы генеза и динамики расстройства. Однако опыт свидетельствует о том, что и патопсихологическое исследование в этом аспекте ничуть не более продвигает к пониманию сущности психического расстройства. Предпринятый на заре становления экспериментальной психологии функциональный метод, членящий исходную целостную систему психики на ряд «несуществующих» психических функций, с одной стороны, позволил упорядочить множество проявлений поведения и его расстройств (сейчас любое руководство по психопатологии содержит их тщательное описание: расстройства ощущения, восприятия, внимания, мышления, памяти, личности и т. п.). Но при этом подобный аналитический подход, конечно, никак не соответствует действительной картине психического заболевания, где наблюдатель имеет дело с целостной динамичной системой, членение которой на функции имеет лишь дидактическое значение.

Патопсихология, таким образом, подобно психопатологии, осуществляет уже собственное переозначивание состояния и поведения больного, хотя и в других терминах (терминах абстрактных психических функций). Было бы наивно полагать, что такой подход увеличивает возможности диагностики, но приходится признать, что это ничуть не приближает к задачам практики (лечение, коррекция, профилактика психического расстройства). Несмотря на заявляемую самостоятельность и принципиальное

отличие от психопатологии, патопсихология сегодня в действительности лишь осуществляет собственное переозначивание картины поведения больного в иную терминологическую сеть. И, что характерно, там, где сеть имеет брешь, охотно заимствует термины из психопатологического тезауруса. Особенно там, где речь идёт о пограничных состояниях.

Такой метод лишь создаёт иллюзию знания, поскольку открывает возможность «удвоения» («утроения» и т. п.) «картины» заболевания. Более того, подобное «умножение» ещё больше затрудняет координацию усилий специалистов разного профиля, работающих на поприще попечения душевнобольных.

Приходится констатировать, что путь подмены одной феноменологии (клинической) другой (патопсихологической) на сегодняшний день исчерпал свои познавательные возможности. Хотя на определённом этапе исторического развития такой путь был и предопределённым и эффективным. Несмотря на присущие феноменологическому подходу ограничения, предметные границы психопатологии удерживаются устоявшимися практиками, выросшими в традиции естественнонаучного подхода. Патопсихология же с самого момента своего возникновения испытывает серьёзные трудности, претендуя на свою самостоятельность. Патопсихологические синдромы, в частности, известны в психопатологии под другими наименованиями гораздо раньше, хотя описаны сугубо клинически, без опоры на сомнительные в валидности экспериментальные патопсихологические методики. Да и как без теоретической конструкции процесса мышления, например, можно создать экспериментальную процедуру исследования мышления. Нелепо звучат поэтому такие заявления, что патопсихолог-де не находит специфических расстройств мышления у больного шизофренией (где расстройство мышления является патогномичным симптомом заболевания,

без которого диагноз утрачивает свой смысл).

Интуитивно понятно, что множество наук о психике вещают об одном. Речь идёт о некоем целостном феномене, выделяющемся на фоне других феноменов жизни, имеющем свою собственную специфику, проявления, свойства. Но, приняв за свой предмет «психику» («душу») человека, не определяя её концептуально, все эти науки обречены на суверенитет. А душа, не являясь феноменом, не подлежит операционализации и научно определена быть не может. Без чёткого определения границ предмет научного исследования неизбежно рассыпается. Следствием этого и становятся те непреодолимые «дуализмы» (сома и психика, мозг и сознание, объект и субъект и т. п.), которыми обременена психология, которые без особой претензии на практический смысл декорируются заявлениями о «био-психо-социодуховной» природе человека.

Несостоятельность таких подходов проявляется уже и в том, что, сталкиваясь с практикой, не имея собственных адекватных концептов, психолог с лёгкостью и без критики эксплуатирует клиническую терминологию для обозначения наблюдаемых феноменов — тревога, депрессия, астения, — игнорируя при этом исходный клинический смысл этих терминов. Попытки породить собственный терминологический аппарат «психологической диагностики» неизбежно приводят к созданию симулякров [2]. Отсутствие в психологии собственных концептов и теорий, подобных выработанным в медицине — «организм», его функции (физиология), их нарушения (патофизиология) — обесценивает и способы психологического вмешательства (терапии), так называемой «психотерапии» в психологическом исполнении.

К сожалению, подобными прегрешениями инфицирована уже и медицинская психология, начало которой, в отличие от науки о «душе», было многообещающим и в которой были достигнуты выдающиеся успехи,

признанные во всём мире и до сих пор не утратившие своего значения для понимания процессов жизни. Некритичное смешение парадигм — «гуманистической» и «естественнонаучной», обусловленное отнюдь не задачами науки, но исключительно житейскими обстоятельствами (разговорный жанр, конечно, экономичнее экспериментальных исследований), ведёт к тому, что и медицинская (клиническая) психология теряет уже свою целостность и прагматическую ориентацию. К тому же расширение задач клинической психологии в сферу пограничных психических расстройств точно так же, как и в психологии, блокируется отсутствием разработанных в психологии концептов для означивания сложных феноменов (эмоциональное напряжение, нервно-психическое напряжение, нервно-психическая неустойчивость и т. п. — иллюстрации сказанному) [1].

Всё состояние современной психологии свидетельствует о её глубоком и перманентном кризисе, суть которого была проявлена ещё Л.С. Выготским [6] и который теперь уже примирительно констатируют современные авторы [5; 7]. Вряд ли причина такого кризиса сводима лишь к сложности «объекта» познания. Кризис этот — методологический, и преодоление его предполагает серьёзную методологическую работу.

Причины и пути преодоления такого «перманентно кризисного» состояния психологии являются одной из популярных тем современной теоретической психологии. Дополнить палитру мнений на этот счет, пожалуй, так же трудно, как дополнить палитру психологических концепций. Общий вывод, однако, заключается в том, что оснований для кризиса в психологии значительно больше, чем оснований для благополучного существования.

Характерно, что и способы осмысления кризиса лежат в той же плоскости. Если еще недавно психологическая наука стремилась к поиску единых оснований, то теперь все чаще звучит призыв к либерализму

— принятию так называемого «творческого хаоса». Возможно, с «творческим хаосом» в психологии можно было бы согласиться как с неизбежностью, если бы не задачи, решение которых общество адресует психологам: задачи обучения (трансляции знаний) и психологической помощи. Но в этом аспекте декларируемый методологический либерализм в психологии означает скорее «вежливый отказ».

Отказываясь же от научного обеспечения практики, психология полностью теряет свою самостоятельность и становится безграничной областью спекуляций на тему человека, не облагораживаемых гуманитарной традицией, присущей философскому уровню мышления.

Суждение не ново, но показательное: подавляющая часть знания, означаемого как психологическое, бесполезна, ибо безосновательна. «Ситуация трагична», — отмечал Г. П. Щедровицкий в середине 80-х годов XX века, — «да, есть очень авторитетная и заслуженная история психологии, но я из нее уже не могу извлекать никаких прикладных знаний, в жизни все это не работает...» [9, с. 4]. Это касается уже не только традиционно понимаемых теорий. Речь идет также и о непрерывно растущих объемах эмпирических данных, обслуживающих задачи самой психологии как социального института.

Очевидным препятствием на пути создания строгой системы психологического знания является сложность той реальности, которую психология стремится возвести в свой предмет. Нематериальность, подвижность, многоликость психического, отчетливая социокультурная детерминация взглядов на природу человека — все это доводы скорее против претензий психологии на научность. Последовательное развитие этого тезиса приводит к тому, что психологию можно понимать лишь как множество точек зрения, относительно устойчивых мнений о по-разному означаемых явлениях человеческого бытия (сознание, мышление,

чувства, поведение и др.). И при таком рассуждении никаких открытий или прогресса в психологии не было и быть не может: ее содержание — локальные во времени и пространстве попытки опредмечивания текущих социальных практик средствами мировоззрения эпохи.

Возможность научного знания в психологии всегда являлась для нее болезненным вопросом. Безусловно, жесткие критерии научности (объективность, верифицируемость/фальсифицируемость, теоретическая и эмпирическая обоснованность, систематичность, полезность и т. д.) слишком тесны для познания души человека. Но должна ли быть предметом научного познания душа человека?

Это — основной вопрос психологии. Подобно тому, как из решения основного философского вопроса о первичности материи или сознания порождается все множество философских систем, так решение этого вопроса предопределяет статус и содержание психологии. Если психология не претендует на статус науки и, что особенно важно, не покушается на вмешательство в жизнь человека, то она вправе объявить душу человека объектом своего наблюдения. Если же не оставлять попыток стремиться к точному знанию, то будет честно и правильно разговор о душе (психике) прекратить. На этом пути развития наука психология может и должна иметь дело лишь с тем немногим в поведении человека, что поддается операционализации, оценке и прогнозированию. Такой объект исследований, конечно же, представляет собой лишь частный аспект жизнедеятельности человека, проявляемый экспериментальными или иным образом ограниченными условиями, в частности, условиями болезни. Но лишь такой объект доступен для возведения в теоретический предмет, отвечающий критериям научности.

Подобно тому, как в любой деятельности от качества инструментов зависит качество творимого продукта, в такой сложной сфере, как производство психологического зна-

ния, достоверность и практическая значимость его результата определяется разработанностью концептов, используемых для означивания исследуемых феноменов.

И тогда первой задачей методологического анализа научного психологического понятия становится рефлексия, фиксация и ограничение точки зрения исследователя. В сложной иерархической системе разнородных процессов, каковой представлен любой феномен, ставший объектом научного исследования, фиксация исследовательской позиции — первое и необходимое условие избежать противоречий, которые, конечно же, не являются «присущими действительности», а представляют собой всего лишь последствия методологических допущений.

Отдельный и сложный вопрос: что психолог принимает за действительность в контексте психологического анализа? В свете изложенного выше такой действительностью является сама психика. Допущения «мир», «другие люди», «события и явления» открывают неограниченные возможности придумывать и складывать в системы цепочки умозаключений, однако они неизбежно будут внутренне противоречивы.

Л. С. Выготский вообще считал методологический анализ исходных терминов, поиск и формулирование необходимых для означивания феноменов понятий основной проблемой научной работы, а для такой слабо структурированной сферы знания, как психология, просто необходимой. Причем настаивал, что выработкой понятия не начинается, а завершается цикл научного исследования [6].

Если принимать во внимание, что любое научное исследование — это прежде всего аналитическое разложение исходного феномена на множество подлежащих рассмотрению элементов, то легко представить себе зыбкость любых теоретических построений в таком неограниченном концептуальном пространстве. Однако, если помнить о том, что слова и понятия — лишь средства означивания фактов действительности, но не

сама действительность, то, как это и принято в науке и является необходимым до сих пор условием ее существования, о способах и средствах означивания нужно «договариваться». Таким образом, становится понятной актуальность методологической задачи наполнения конкретным содержанием базовых психологических категорий, которые в современном научном знании приобретают значительную семантическую диффузность, определение их объема, границ и условий применимости.

Для обозначения предмета науки психологии в отечественной традиции естествознания разрабатывалась категория «поведение» — категория, которая позволяла преодолевать неизбежно присущие предмету и методу исследования «психики» дуализмы [10]. При таком понимании, где психика и поведение — суть одно, но поведение при этом не сводимо к «видимым» реакциям, а полагается сложноорганизованной системой функций, обеспечивающей целостность и адаптацию организма, существующие научные дисциплины предстают всего лишь как частные описания различных аспектов (феноменологических, нейрофизиологических, психологических) поведения человека. Всё их разнообразие, вся их сложность и самостоятельность обусловлены, следовательно, лишь «точками обзора» и используются терминами. Действительно, поведение можно описать в аспекте психофизиологических функций, в аспекте когнитивных процессов, в аспекте личностных реакций и переживаний, но при этом множестве описаний само поведение остаётся целостным феноменом, не сводимым к описаниям.

При понимании поведения как сложно организованной системы открываются замечательные возможности для анализа ее структуры, функций, динамики. Неизбежное при этом определение уровней организации такой системы — нейрофизиологический, психофизиологический, психологический, социально-психологический — явля-

ется естественным и не нарушает исходной целостности поведения, но позволяет рассматривать его в разных аспектах, где и психомоторные, и познавательные, и личностные процессы осуществляются по единым механизмам, сформулированным, например, в теории функциональных систем [4], в теории установки Д. Н. Узнадзе [8], в других системных теориях. Такой подход позволяет рассматривать и психосоматические отношения в качестве векторов единого континуума поведения, не прибегая к умозрительным интерпретациям «воздействия психики на тело». Более того, такой ход мысли освобождает от непреодолимого иначе противопоставления «организм — среда», противопоставления, которое блокирует адекватное понимание сути гомеостаза, стресса и адаптации применительно к психологическим аспектам этих процессов.

Всё свидетельствует о том, что единственной реальной проблемой научной психологии сегодня становится методологическое обоснование своего предмета и выработка системы собственных «больших» концептов (теории), позволяющей систематизировать множество эмпирических фактов, полученных в опыте. Идеальным решением этой проблемы можно было бы считать продолжение разработки системной теории поведения человека на разных уровнях его организации: соматическом, когнитивном, личностном (психологии в её истинном значении), теории нарушений психической адаптации — психогенеза психических расстройств (патопсихологии), теории психологического воздействия (психопрофилактики, реабилитации и психотерапии). Такое строение психологической науки, подобное исторически выработанному строению теории медицины, обеспечило бы выход её из методологического тупика и приобретение ею статуса практической дисциплины.

Клинический феномен (симптом, синдром, динамика заболевания), очевидно, де-

терминирован не только болезненным процессом (патофизиологической сущностью заболевания), но и психологическими процессами, определяющими реакции личности на болезнь, и психологическими свойствами и структурами, определяющими собственно личность больного (патопсихологическая сущность заболевания). Такой системный анализ клинического феномена позволил бы не только приобрести новые возможности для научного исследования психических расстройств, но и интегрировать усилия специалистов в решении прак-

тических задач по психологической профилактике нарушений психической адаптации, диагностике психического расстройства и реабилитации психически больных.

К сожалению, в современных условиях научного производства знания, простая пролиферация означающих для неизвестного стала уже «средством выбора», следовательно, прогресса в научном познании, а главное, в разработке валидных и эффективных технологий психологической практики ожидать не приходится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алёхин А. Н. Адаптация как концепт в медико-психологическом исследовании // Юбилейный сборник научных трудов (к 10-летию кафедры клинической психологии РГПУ им. А.И. Герцена). СПб.: НП Стратегия будущего, 2010. С. 27–32.
2. Алёхин А. Н. Психологическая диагностика как производство симулякров // Научное мнение. 2011. № 1. С. 133–138.
3. Алёхин А. Н. Психология как предмет исследования: Тезисы докладов международной научно-практической конференции «Ананьевские чтения–2009 (Современная психология: методология, парадигмы, теории).
4. Анохин П. К. Теория функциональной системы // Успехи физиол. наук. 1970. Т. 1. № 1. С. 19–54.
5. Василюк Ф. Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
6. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса: Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 386–389.
7. Мазилев В. А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психол. журн. 2006. № 1. С. 23–34.
8. Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
9. Щедровицкий Г. П. Лекции по психологии, читанные в Ростовском университете (фрагменты) // Вопросы саморазвития человека. Вып. 3. К., 1991. С. 3–32.
10. Ярошевский М. Г. Наука о поведении: Русский путь. М.; Воронеж: Изд-во Института практической психологии; МОДЭК, 1996. 380 с.

REFERENCES

1. Aljohin A. N. Adaptatsija kak kontsept v mediko-psihologicheskom issledovanii // Jubilejnyj sbornik nauchnyh trudov (k 10-letiju kafedry klinicheskoj psihologii RGPU im. A. I. Gertsena). SPb.: NP Strategija budushchego, 2010. S. 27–32.
2. Aljohin A. N. Psihologicheskaja diagnostika kak proizvodstvo simuljakrov // Nauchnoe mnenie. 2011. № 1. S. 133–138.
3. Aljohin A. N. Psihologija kak predmet issledovanija: Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii «Anan'evskie chtenija–2009 (Sovremennaja psihologija: metodologija, paradigmy, teorii).
4. Anohin P. K. Teorija funkcional'noj sistemy // Uspehi fiziol. nauk. 1970. № 1. T. 1. S. 19–54.
5. Vasiljuk F. E. Metodologicheskij smysl psihologicheskogo shizisa // Voprosy psihologii. 1996. № 6. S. 25–40.

6. *Yygotskij L. S.* Istoricheskiy smysl psihologicheskogo krizisa: Sobr. soch.: V 6 t. M.: Pedagogika, 1982. T. 1. S. 386–389.
7. *Mazilov V. A.* Metodologicheskie problemy psihologii v nachale XXI veka // Psihol. zhurn. 2006. № 1. S. 23–34
8. *Uznadze D. N.* Psihologija ustanovki. SPb.: Piter, 2001. 416 s.
9. *Shchedrovitskiy G. P.* Lektsii po psihologii chitaniye v Rostovskom universitete (fragmenty) // Voprosy samorazvitija cheloveka. Vyp. 3. K., 1991. S. 3–32.
10. *Jaroshevskij M. G.* Nauka o povedenii: Russkiy put'. M.; Voronezh: Izd-vo Instituta prakticheskoy psihologii; MODEK, 1996. 380 s.

И.М. Богдановская

МИФЫ О РОССИИ: КОНСТРУКТИВНОЕ И ДЕСТРУКТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Статья выполнена в рамках исследования при поддержке фонда РГНФ
(проект № 09-03-00028a)

Представленные результаты основаны на междисциплинарном теоретическом анализе современной социальной мифологии и на обобщении результатов эмпирического исследования. Основные группы мифологизированных образов России в сознании современной молодежи включают: мифологизированные образы российского пространства, исторической перспективы России; символично-метафорические образы России; типы социально-мировоззренческих ориентаций молодежи. Выявленные аспекты конструктивного и деструктивного влияния мифов о России могут быть использованы для анализа и интерпретации групповых и индивидуальных образов России у молодых людей, а также при разработке рекомендаций по профилактике деструктивного воздействия мифологизации образа России на социальные процессы и сознание современной молодежи.

Ключевые слова: мифы о России, конструктивное и деструктивное влияние, образ России, социальная мифология, ценности, анти-ценности.

I. Bogdanovskaya

Myths About Russia: Constructive and Destructive Impacts on Consciousness of Modern Youth

The article gives an interdisciplinary theoretical analysis of modern social mythology and the generalization of the results of an empirical research. The basic groups of the mythologized images of Russia in the consciousness of modern youth include: the mythologized images of the Russian space; historical prospect of Russia; symbolic and metaphorical images of Russia; types of attitudes values and anti-values. The aspects of constructive and destructive influence of myths about Russia described in the paper can be used for an analysis and interpretation of individual and group images of Russia among young people, and for recommendations for preventing the destructive impact of mythologizing the image of Russia in the social processes and consciousness of the modern youth.

Keywords: myths about Russia, constructive and destructive impacts, image of Russia, social mythology, values, anti-values.